

Коновалов Вадим Васильевич

КЕНН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Васильевич Коновалов

Кенн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51649382

SelfPub; 2020

Аннотация

Во все времена у всех народов разные люди в разное время рассматривали предметы и события своей жизни и других людей со всех сторон. К примеру, рухнувший мост или дебиловатый бюрократ-руководитель. Видели мост, но спрашивали себя в тишине, нет ли скрытых причин, невидимых пружин, заставивших мост рухнуть? Иногда находили. Иногда нет – и летели в пропасть. Уж она точно есть. У каждого своя. Добро пожаловать. Содержит нецензурную брань.

Сто капель на один глоток – кто помнит каждую.
Фаер.

Волна перекатилась через нос лодки, коснулась груди, и, холодной мокрой змеей пролетела сквозь соски, шлепнулась сзади, обдав спину брызгами. «Возбуждает» – Клава поправила волосы, заметив мельком, как борт заскользил по темной пучине вверх. Стихия океана медленно, неотвратимо делала свой вдох, ворочаясь бережно, чтобы не перевернуть утлую скорлупку с фонарем и голой женщиной внутри. И снова вниз с пенного гребня по зеркальной черной глади, грозящей схлопнуться над головой навеки. «Надо хоть ноги побрить» – девушка провела ладошкой по коротенькой щетинке на полной мокрой икре. Отчего по спине пробежали мурашки. Она знала, это открываются какие-то силы. Улыбнулась, скажу доктору: « У меня мурашки до самой макушки»...

Молния разрезала ночное небо у горизонта. Грома не было. Лишь рев волны. Она прошла сквозь тело через лоб до мизинцев на ногах, вдруг скрутила и в вихре выбросила за борт. Пузырьки воды защекотали в ушах. Клава развела руки в стороны и в мощном рывке устремилась вниз. И еще раз. И снова.

И вот. Вот он, нет. Оно! Бесшумно идет на большой глубине, лунно-белый хвост во мгле океана. Скат, огромный элек-

трический скат, нет, ... дракон. Или. «Нет, все, хватит,»-«покорительница глубин» вдохнула и, задержав дыхание, открыла глаза. Уши заложило, синь в глазах. Чуть-чуть и «поза лотоса» закончится лбом об пол с кровати.

—Опа, — мужава рука, подхватив под грудь, перевернула женщину на подушку ухом.-М-м-м,-что-то жестко вошло в нее.

—Н-н-н, хоть бы, хоть бы смочил, у ой, — это что-то разрасталось в ней, становясь большим и вытягивало ее всю, то, вдруг заталкивало назад, чуть не выпихивая через уши наружу. Гигантский единорог вдавливал в постель, шумно дышал в ухо. Но она знала, что это нужно.

—Х-х-хр, — воздух из легких мужчины коснулся виска, борода больно царапнула шею и внутри Клавы запрыгали привычные маленькие теплые лягушата.

—И-и-у-та-ра-ра-ра-ра,-сразу два близнеца-будильника-маленьких золотистых ящичка на трюмо у кровати затренькали одновременно.

—Вовремя ж, — волосатая Пашина рука легла на один, потом второй, неловко зацепив массивную пробку на флаконе «Шанели». Та затарахтела, крутнувшись вокруг себя самой, и бухнулась об пол. «Дорогой, ты мой бог», — женщина дернулась назад, кошкой скользнула в черное кимоно из мокрого шелка и, мельком глянув в зеркало, ушла в ванную.

Павел Николаевич зажмурился, вспоминая солнечный блик на ноге жены, и стараясь продлить мгновения блажен-

ства, вытянулся на простыне, поживаясь от мокрого пятна под боком. Мысли медленно и почти грациозно стекали по мозгу.

«Надо с ней поговорить, насчет этой, как ее там ... аяуаски. Жена посла. Еще б на кокс подсела-в Данию таких не пустят. Ох, да сегодня ж мне лететь туда. И как ее оставишь одну. С этой травой, друзьями-гомиками да розовыми подружками из богемы. А вдруг не голубые эти самые гомики. Попросить ребят из ГБ, «жучков» пусть наставят, мало ли.»- советский посол вдыхал черепом, выводя выдох по груди и животу, как учили. Матерые ленинцы «колдовские» штуки даосов, конечно, знали. В четвертом отделе Внешней разведки, может и не верили – но знали. Факт.

А ведь церковь у Покровских ворот работала. Напротив, через дорогу, выцветший Ильич с плаката, все, увлекая массы, все тянулся рукой куда-то. А у зеленого забора церквушки росли яблони. И туман редел вечером в маленьком саду. Напоминая бога, вещающего о покое и любви. Если не к ближнему, то к себе. Или картонному Ленину. Или туманам и запаху яблок. Но все же любви.

Но это там, внизу. А здесь наверху, в ресторане, лестница мягко обвивала колонну и, утекая наверх, золотела огнями подсветки, и хрипел саксофон.

Прямые строгие линии и отблеск солнца на лезвии. Меч,

казалось, шевельнулся прямо на журнальном глянце, и тихонько запел, рассекая невидимые воздушные потоки: «К-хи-и-е-н». «Впечатляет» – Серж грифом завис над каталогом.

«М-м-м» – пьяненько прогундосил Ваня, светло-русая прядь с прямого пробора устало сползла на открытый лоб. Трезвел он редко. Даже когда занимался в кабинете посла с сего женой Тантрой, как она это называла, на желтом ковре всегда оставались липкие рыжие капли. От вина. А сейчас тут случай особый... Возможность продать антикварное оружие на аукционе. Не каждый день такое. Вообще-то один раз в жизни- другого не будет.

Его собеседник, Серж, уперев большой палец в ямочку на подбородке, указательным поглаживал тоненькую полоску усиков.

«Лезвие толковало о своем. Своим неслышимым ухом, за-предельным звоном, который уже есть, но еще не слышим. Свобода и жизнь, и ветер, и легкая боль в сердце, и блик солнца в зеленой глади лагуны-все смешивалось в одном звуке, вихрясь и увлекая за собой. Нет. Нет. Мечи не поют. Это дорогостоящее баловство миллионеров... А может и чье-то обеспеченное будущее. Чье-то. Да мое же. Мое!» -Иван начал трезветь, он понял, что читает мысли своего товарища, но как?

Серж встал из-за столика, подошел к бордовой портъере и глянул на Москву с высоты птичьего полета. Забыл на миг,

что перед ним огромный мегаполис и окно, в котором сам отражается. Казалось, он стоит, опираясь ногами на море огней внизу, до самого горизонта. Стоит на фоне звездного неба, как демиург, создатель этого всего, не знающий, что творец не он, а бог.

Но ничто: ни мощь ночного города, ни блики ресторана, пляшущие в витрине, ни старенький саксофон в оркестре – что-то другое подхватывало на вдохе и несло на незримых крыльях. Несло, как несет ... женщина. Даже не женщина, а только тень – воспоминание о ней.

Серж тяжело поднялся от стола. Оттолкнул бедром спинку стула, с прохода:

«Что же вы сидите, Татьяна Петровна?». Танюша, в белом платье с вырезом до середины бедра и шлейфом до пола, молчала, скрестив на груди руки. Лишь дернувшиеся плечи да сверкнувшие глаза должны были сказать о многом.

Она не любит пьяных?

«И трезвых тоже,» – добавил мысленно герой.

«Пойдемте, потанцуем» – протянул женщине руку, коснулся пальцами плеча, почувствовал легкую прохладную ее ладонь в своей, вдохнул жесткий запах духов, и ноги сами понесли его с партнершей по залу. Сержу казалось не они движутся – мир летит по кругу за спиной Танечки и ближе чем эта женщина никого нет и быть не может. И она – все. Только ее глубокое декольте отсвечивало золотой цепочкой,

и запах «Шанели» очерчивал контур. Это и есть галактика, но не Млечный путь – другая. Неведомая, чужая, резко ма-нящая и дрожащая одновременно. Как струна, нет как время, как секунда проживаемой жизни.

Дыу- у, дыу-у, дыу-у. Звенели капли о нержавейку раковины. В камере стоял дух носков, окурков и давно не мытых тел; муха билась о стекло за решеткой. Серж проснулся полностью лишь, мотнув головой, как бы стряхивая и последние хлопья сна, и призрак Танюши. Во рту пересохло – сигарету бы.

Тюряга... Где там вальс – серенький каторжанский расцвет щерился в нише над головой.

Он приходил и к декабристам и еще ко многим. То вечным баландером, наливающим похлебку в миску, а то пала-чом, напоминающим, что пора.

Вешают на Руси с рассветом.

Рядом, на полатях в половину кельи, мирно посапывал сосед слева, справа подвывал, скрипя зубами во сне, наркоман.

Так... Надо вспомнить... Надо собраться и вспомнить, как сюда попал. Тогда есть шанс выбраться.

А сейчас Сергей Дементьев, в сером с красноватым отливом костюме, черной водолазке, которую только в Вене и купишь, сотрудник Внешторга; стоял у портьеры с крупными черными кистями. Там внизу церковь у Покровских ворот и

пахнет яблоками. А еще сырым туманом и покоем, если бы и они имели запах.

Можно скитаться день, а можно жизнь, две, пять, вечность, рассматривая старика, летящего из под купола храма, кажется, куда-то в лоб, блаженствуя от всего и даже от себя и от Ленина на плакате через дорогу, хоть его за оградой и не видно.

А можно, рванув себя за ворот рубахи, спросить. Ты, Сержик, маменькин сынок, проворовавшийся бухгалтер, как собираешься выкручиваться?

О, если бы она сидела...

Просто сидела за столом и не вставала. Но поднялась, откинула волосы и, несмотря на серьезный момент разговора, захохотала неожиданно, может и для себя самой.

Мало ли женщин поправляют заколку сзади? Наверно все, но никто так. Серая юбка-тюльпан на ней обтягивала все, что можно. Казалось, теплая волна шла от округлости бедер, подхватывала Сережку под ребра и затекала в сердце. Охлаждая все внутри каким-то мятым привкусом и щекоча.

Да-да, это враг – контролирующий орган государства... Но.

Но мозг с беспощадным откровением дорисовывал женщину. В мельчайших подробностях, тенях, запахах. Интересно, а Татьяна про это знала, или всего лишь поправляла заколку.

Наверно знала...

«Деньги на исходе, да и краденые в Торгпредстве надо как-то возвращать, пока недостача не всплыла. И этот лопух сам железку- антикварку не может у любовницы дернуть и продать на аукционе. Папа ругаться будет! Что ты»– Серж медленно повернулся к столику, подошел, сел и вдруг, наклонившись вперед корпусом прошипел в пол- голоса.

– Так сколько, говоришь там денег, шьо нас ждуть, как в Одессе говорят?

– Во-восемьдесят тысяч!

– Долларами. А наших сколько?

– Хватит пол – мира купить. Воз и маленькая тележка.

Легкий прищур Ванькиных глаз выдавал, что не очень-то он и пьян.

Стало тихо. Тихо и темно. И ветви старой вишни застыли на диске луны, как костлявая рука старухи на блюде. Крик взметнулся до вершины горы Сяо-лян, ворон взлетел с дерева и уплыл во мрак. Подмастерье юркнул в кузницу. Хрупкий мальчишка в обносках кимоно прищурился от яркого света факелов. Отрубленная кисть валялась на полу, пальцы еще шевелились, как живые.

– Неплохо-заезжий самурай присвистнул-Очень неплохо, мастер, легкое касание, и...не понять это рубка или акт любви. Гость изображал на каменном лице хладнокровие и

власть. Но густой румянец выдавал его волнение, если не страх. На груди болванок у чана с водой валялся кузнец из соседней деревни. Он хрипел и пытался уцелевшей рукой приладить обрубок на место.

—Любови? Нет милосердия, о благороднейший. Просто, коснись я лезвием головы, без усилий развалил бы эту тушу пополам. Так делали мои предки за подлость и предательство- Масамуне был угрожающе спокоен. Казалось, он думает, где-то внутри себя привести в исполнение сказанное или нет.— Но с веками мы становимся добрее. Блеснули зубы и по заросшему лицу мастера пробежали две складки улыбки. Он старался казаться спокойнее самурая. А может и был.

— Быть и казаться; между ними пропасть, помоги убраться здесь- кивнул Масамуне мальчишке. Под сросшимися на переносице бровями мастера недобро блеснули светло-серые глаза.

Когда столь хлопотные торги были окончены и мастер по своей обычной привычке уединился, уставившись на ворона, едва заметного в ветвях старого дерева. Ученик подошел поближе и остановился в шаге позади.

—Хочешь спросить за что я отрубил руку несчастному?— человек, ворон, луна и гора, казалось, слились вместе и превратились в мягкий говор.

—Вы, очевидно хотели показать достоинства своего искусства, мэтр- пролепетал мальчик, зная, Масамуне не терпит лжи и сейчас зорко и трепетно кружит над каждой его мыс-

лью.

— Не совсем так. Будут еще годы, в которые из-за денег люди охотно пойдут на такое. Но не сейчас. Попробуй догадаться.— во тьме человек улыбнулся и это почувствовала даже птица, шевельнувшись на ветке.

— Так делали ваши предки.

— Это я сказал самураю. Неплохой коммерческий ход. Во все нет.

— Сдаюсь.

— Он тайно от всех опустил руку в котел для заправки. Думал запомнить температуру воды. И она передается издревле. И это ложь. Передается, но не температура, а состояние души.

— И каково это состояние, о мастер?

— Ты сейчас в этом состоянии и вода, что ты пригодишь будет то, что нужно-другую просто не сделать, это невозможно. Запомни это. А я, да я просто избавил мир от еще одного жадного ремесленника. Люди делают меч не для продажи — чтобы жить в своем искусстве даже после того, как разожмутся пальцы, последнего воина, что сжимают его. Остальные пусть клепают гвозди-одной руки там предостаточно.

Ворон, затрепыхался и подал голос, выводя подмастерье из очарования ночи.

Будильник не прозвонил. Напольные часы в гостинной считали время. В солнечном луче крутились пылинки. Муж

в командировке. Одна. Совсем одна.

Клава потянулась за «Амаретто» на тумбочке. Налила, не вставая, в рюмку. Скользнула по черному шелку подушек и вылила под язык ядовито-красное содержимое. Чувствуя, как липкая сладкая влага исчезает сама собой. Проясняется в голове и мир за полузакрытыми глазами перестает быть непроходимо невыносимым.

Только в голове что-то противно трещало. О боже! Это ж телефон! Вдруг Стокгольм, или этот, его дурацкий Копенгаген. При воспоминании о Копенгагене женщина коварно усмехнулась, и, путаясь в халате, пошлепала босиком в прихожую.

Нет, не муж. Взъерошенный Светкин голос с утра забываем.

– Не, ну, Клавка, ну ты, блин, даешь. У этого ж парня, у полковника – у него ж к тебе серьезно что-то. Ну, ты то же даешь! Сбежала вчера из Дома кино, оставила меня с двумя мужиками и, причем с военными! Подруга называется, ну да ладно, разбудила, что ли? А этот твой посол – он в командировку надолго уехал? А то я тут ору-ору, а он, может, гхм, дома сидит. На кухне, все слушает и хихикает... тихонько. Ты знаешь, мужики, они вообще такие козлы!

Больше всего на свете Светка хотела подстелить подружку под кого-нибудь. Ну, хоть под кого-нибудь! Дружба здесь старая. Еще холостяцко -девичья. Они и замуж собирались

вместе. За одного и того же датского посла. Но Клавка успела, а Светка... ну значит не судьба. С тех пор Светка мстит, но никого ближе ее просто нет. А без мужа скучно, одиноко и, и как-то оно не так совсем. Так, что отвечать старшей подруге, когда не знаешь, чем похвастаться: муж-посол в Копенгагене а ты... Ой, да и тебе ж было ж так хорошо, пока она не позвонила. Но Кодекс строителя коммунизма гласит иное, даром что ли Клавка была комсорг юрфака, где девочки-конфетки получали образование. Лапатулочки не могли терпеть одна другую: одна «умная», другая «плохая». Везет всегда «плохим», но не в этот раз. Всю жизнь они спорили. Одна мурлыкала, главное удачно выйти замуж, другая собиралась что-то из себя представлять. И когда речь заходила, скажем о Японской поэзии, ...вообщем предпочел посол Клавку, а о Светке сказал по-пушкински: «Как эта глупая луна на этом глупом небосводе» Обе все понимали, но никто ничего не говорил ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.